

Определение каритива как сравнительного понятия

© 2020

Софья Алексеевна Оскольская^{a, @}
Наталья Михайловна Заика^a
Сергей Борисович Клименко^a
Максим Леонидович Федотов^{a, b}

^aИнститут лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;

^bНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия; sonypolik@mail.ru

Аннотация: В статье представлена попытка дать определение сравнительного понятия каритива (ср. *Иван пришел без Марии*), которое можно было бы использовать в типологических исследованиях. В статье обсуждаются недостатки существующих на данный момент определений и формулируются принципы, которым должно соответствовать предполагаемое определение. Одним из главных принципов является исключение из определения каких-либо морфосинтаксических понятий, что позволит сделать его применимым ко всем языкам мира. Определяется список контекстов, которые должно охватывать определение, а также контексты, которые оно охватывать не должно (такие, как *У Ивана нет детей*). Обсуждаются те свойства, которыми обладают все выбранные контексты. В результате формулируется следующее определение каритива: каритив описывает невовлеченность в ситуацию (в частном случае отсутствие в ней) некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим модификатором этой ситуации или участника некоторой другой ситуации. Обсуждается ряд аспектов применения полученного определения к разноструктурным языкам.

Ключевые слова: каритив, лингвистическая типология, семантические роли

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 18-78-10058 «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов». Мы благодарны Е. А. Забелиной за ценные комментарии к первой версии этой статьи.

Для цитирования: Оскольская С. А., Заика Н. М., Клименко С. Б., Федотов М. Л. Определение каритива как сравнительного понятия. *Вопросы языкознания*, 2020, 3: 7–25.

DOI: 10.31857/S0373658X0009370-6

Defining caritive as a comparative concept

Sofia A. Oskolskaya^{a, @}
Natalia M. Zaika^a
Sergei B. Klimentko^a
Maksim L. Fedotov^{a, b}

^aInstitute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;

^bNational Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia; sonypolik@mail.ru

Abstract: The paper attempts at giving a definition to caritive (cf. *John came without Mary*) as a comparative concept that could be used in typological studies. We discuss the drawbacks of the current definitions and formulate the principles with which the definition must comply. One of the main principles is avoidance of any grammatical notions, which allows to apply the definition to every language. We start

with a list of contexts which should be covered by the definition and a list of contexts which should be left out (such as *John doesn't have children*). We identify properties that are shared by the chosen contexts. As a result, we propose the following definition of caritive: caritive describes non-involvement (including, but not limited to absence) of a participant (Absentee) in a situation, with the non-involvement predication semantically modifying the situation or a participant of another situation. The definition is accompanied by a discussion of certain aspects of its application to languages with different structures.

Keywords: caritive, linguistic typology, semantic roles

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Science Foundation, grant No. 18-78-10058.

For citation: Oskolskaya S. A., Zaika N. M., Klimenko S. B., Fedotov M. L. Defining caritive as a comparative concept. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 3: 7–25.

DOI: 10.31857/S0373658X0009370-6

1. Введение

В этой статье мы постараемся сформулировать типологически релевантное определение каритива¹. Иллюстрацией каритива² может служить русский пример (1) или английский пример (2):

(1) *Иван пришел без Маши.*

(2) *John left without money.*

Обычно каритивное значение описывается как отсутствие какого-либо участника, ср., например, определение в [Namari 2011: 37]: соответствующие показатели «используются для выражения отсутствия участника (...) или действия (...) в данной ситуации». В языках мира наблюдается большое разнообразие способов выражения каритивного значения и степени их грамматикализации. В некоторых языках для этого используется специальный падежный показатель (например, *-tta ~ -ttä* в финском [Karlsson 1999: 127]) или деривационный аффикс (например, английский суффикс *-less* или русский префикс *без-/бес-*). В других случаях каритив может выражаться адлогом (ср. русский предлог *без*) или другими аналитическими показателями (ср. т. н. имя отрицания *ana* в нанайском [Авrorин 1959: 242]). Наконец, в некоторых языках нет никакого грамматикализованного способа передачи каритивного значения, и каритивные ситуации могут выражаться перифрастически, с привлечением неспециализированных конструкций (например, в рамках более чем одной клаузы, как в языке тоабаита (3), или с помощью отрицания комитатива, как в языке муна (4)).

(3) ТОАБАИТА (< австронезийские) [Lichtenberk 2008: 332]³

Wane baa wane si maqu.

человек тот человек NEG бояться

‘Этот человек — человек без страха’ (букв. «Тот человек — человек, который не боится»).

(4) МУНА (< австронезийские) [van den Berg 1989/2013: 141]

a-kala miina bhe anoa

1sR-идти не с он

‘Я пошел без него’.

¹ Применительно к данному явлению также широко используются термины «абессив» и «приватив», о чем подробнее в разделе 2.

² Термин «каритив» здесь и далее будет употребляться в первую очередь применительно к каритивному значению, однако, как и в случае со многими похожими терминами (ср. «комитатив», «локатив»), иногда термин «каритив» может реферировать к каритивному выражению (показателю).

³ Здесь и далее русский перевод примеров наш.

Хотя специализированные показатели каритива существуют не во всех языках, как кажется, можно тем не менее говорить о том, что каритивное значение может быть выражено тем или иным способом (грамматически или лексически) в любом языке. Интересную задачу представляет собой типологическое изучение и сопоставление этих средств в языках мира.

Для выполнения этой задачи необходимо сформулировать сравнительное понятие каритива, которое позволит сделать сопоставимыми столь разнообразны́е данные. Сравнительное понятие (“comparative concept” в [Haspelmath 2010]) представляет собой такое определение понятия, которое не связано с конкретноязыковыми категориями, выражающими его, и тем самым позволяет проводить более аккуратные типологические исследования. М. Хаспельмат противопоставляет его идее «межъязыковых категорий», универсальных для всех языков мира — подходу «категориального универсализма», — и демонстрирует недостатки последнего. Неотъемлемой чертой подхода «категориального универсализма» является то, что описание одной и той же универсальной категории в разных языках опирается на использование разных особенностей этих языков. Так, показатели, называемые дативом в разных языках, выражают очень разный спектр значений, при этом для некоторых других языков термин «датив» не используется, хотя в них есть показатели, выражающие те же значения (ср. аллатив в финском языке). М. Хаспельмат предлагает определять сравнительное понятие таким образом, чтобы оно не сводилось к особенностям соответствующей категории в конкретных языках и было применимо к любому языку без апелляции к каким-либо предполагаемым «универсальным» категориям. Предлагаемый М. Хаспельматом подход представляется особенно оправданным для типологического исследования каритива (каритивных выражений), поскольку языки в значительной степени различаются в способах выражения каритивного значения и в степени грамматикализации соответствующих средств. Аккуратно сформулированное определение сравнительного понятия каритива позволит учесть данные тех языков, в которых каритив не имеет грамматического выражения, и сопоставить их с данными тех языков, в которых есть специализированный каритивный показатель.

Таким образом, типологическое исследование каритива в языках мира будет предполагать изучение средств, с помощью которых можно выразить заранее определенное значение каритива. При этом часто оказывается, что единица, соответствующая используемому сравнительному понятию в каком-нибудь конкретном языке, может также выражать и другие значения, которые не подпадают под данное определение сравнительного понятия. Например, сравнительное понятие комитатива, используемое в [Stolz et al. 2006: 25–27], включает в себя только значение спутника, но показатели комитатива нередко выражают также, например, и инструментальное значение, ср. английский предлог *with*.

Наиболее методологически корректным видится следующий подход к типологическому исследованию каритива (во многом соответствующий современной практике типологических исследований): на первом этапе на основе имеющихся сведений о каритивных показателях формулируется сравнительное понятие каритива; на втором этапе составляется выборка языков и выявляются средства, выражающие это понятие в языках выборки; на третьем этапе исследуются значения, которые также могут быть выражены этими средствами, но не охватываются сравнительным понятием. Полученный набор значений может быть представлен в виде семантической карты (в данном случае — карты каритива), в центре которой находятся значения, соответствующие сравнительному понятию (подробнее о преимуществах использования семантических карт в типологическом исследовании см. в [Haspelmath 2003]).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы попытаться осуществить первый из описанных этапов типологического исследования каритива, а именно сформулировать типологически адекватное сравнительное понятие каритива. Получившееся определение может использоваться в дальнейших исследованиях, в т. ч. при описании конкретноязыковых единиц, выражающих каритивное значение, и при составлении семантической карты каритива, однако эти задачи выходят за рамки статьи.

В разделе 2 мы обсудим существующие на данный момент определения каритива и их недостатки для целей типологического исследования каритивов. В разделе 3 будут представлены основные методологические принципы, на которые мы опираемся при формулировке определения. В разделе 4 будет определен набор контекстов, которые должны соответствовать предполагаемому сравнительному понятию каритива, и таким образом дано предварительное, неформальное, определение каритива. Наконец, раздел 5 будет посвящен некоторым проблемным аспектам, связанным с определением сравнительного понятия каритива, и окончательной формулировке этого определения.

2. Существующие определения каритива

Для обозначения обсуждаемого явления в научной литературе используется несколько разных терминов. Термин «каритив» чаще встречается в описаниях языков Кавказа ([Муталов 2003] и др.), алтайских языков ([Гращенков 2015] и др.) и некоторых других языков Сибири ([Галямина 2017] и др.). Термин «абессив», или «абэссив», больше свойственен финно-угроведению ([Hamari 2011] и др.). Термин «приватив» чаще встречается в описаниях языков Австралии и Новой Гвинеи (например, в грамматике австралийского языка каядилт [Evans 1995]). Помимо этого, изредка можно встретить термины «антикомитатив» [Kämpfe, Volodin 1995] и «деприватив» [McGregor 1990], а в русскоязычной литературе иногда встречается также термин «лишительность» [Иванов 1995; Ермакова, Кузнецова 1998]. В некоторых случаях, когда в языке есть два показателя, связанных с каритивной семантикой, могут использоваться два разных термина: например, в грамматике нгансанского языка [Wagner-Nagy 2018] термин «каритив» относится к показателю, присоединяющемуся к именам, а «абессивом» называется показатель, оформляющий глагольные группы. Мы используем в нашем исследовании термин «каритив»⁴.

Общетеоретических или типологических работ, посвященных каритиву, нам известно только две: статья [Иванов 1995], в которой рассматривается в основном сравнительно-историческая сторона морфем, выражающих отрицательную семантику при имени (в том числе каритивную) в индоевропейских языках и языках других семей, а также приводятся некоторые типологические наблюдения, и работа [Stolz et al. 2007], представляющая собой развернутое типологическое исследование комитатива, инструменталиса и каритива (последнюю работу мы еще будем подробнее обсуждать далее). Помимо этого, существует ряд специальных работ, посвященных каритивным показателям в отдельном языке или в группе родственных языков ([Hamari 2011; Гращенков 2015; Галямина 2017] и др.). Также довольно подробное описание отдельных конкретноязыковых каритивных показателей можно найти в некоторых грамматиках ([Evans 1995; Wagner-Nagy 2018] и др.).

Во многих работах, в которых описываются каритивные показатели, каритив определяется как отрицание комитатива (см. [Haspelmath 2009: 514; Галямина 2017: 27]). Такое определение представляется нам не самым удачным, потому что оно исключает случаи

⁴ Это решение во многом условное, однако некоторые аргументы в пользу использования именно этого термина привести можно. Во-первых, термин «каритив», наряду с «абессив» и «приватив», является одним из самых распространенных в лингвистической литературе. Во-вторых, термин «приватив» может быть не очень удобен тем, что может ассоциироваться с понятием привативной оппозиции, часто используемого в лингвистике, и с обозначением словообразовательных средств, меняющих значение слова на противоположное (ср. привативный префикс *не-* в *некрасивый*). Ни то, ни другое не имеет непосредственного отношения к рассматриваемой теме. В-третьих, термин «абессив» ассоциируется преимущественно с традицией описания уральских языков, в то время как термин «каритив» не привязан к какой-либо языковой семье.

типа (5) *Иван пришел без денег*, предполагающие необладание (отрицание обладания), а не отсутствие сопутствующего участника. Аналогичным образом не подходит и определение каритива как отрицания обладания (см., например, [Иванов 1995: 5]), поскольку такое определение исключает случаи типа (1) или (6) *Иван открыл бутылку без штопора* — ведь эти последние примеры не предполагают, что у Ивана «нет Маши» или не было штопора. С другой стороны, такое определение будет включать в себя и примеры типа (7) *У Ивана нет ножа*, обычно относимые к отрицательной предикативной посессивности, а не к каритиву. Наконец, неподходящим оказывается определение, описывающее каритив как показатель, маркирующий отсутствие участника (см., например, [Hamari 2011]), поскольку под это определение также подпадают и конструкции экзистенциального отрицания типа (8) *Драконов не бывает*.

В. А. Плунгян приводит определение, объединяющее случаи (1) и (2): «[каритив выражает], напротив (т. е. по сравнению с комитативом — *авторы*), отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника» [Плунгян 2010: 170; 2011: 175]. Это определение также нежелательно использовать для сравнительного понятия, поскольку оно исключает случаи (6) (штопор, с одной стороны, не является агенсом, а с другой — вовсе не обязательно должен принадлежать Ивану, чтобы тот мог им воспользоваться), а также включает случаи (7), чего хотелось бы избежать.

Конечно, необходимо иметь в виду, что во всех указанных работах приводятся определения каритива скорее как предполагаемой универсальной категории (или же конкретно-языковой категории) по [Haspelmath 2010], — а не как сравнительного понятия. Эти типы определений различаются по своим целям, поэтому даже наиболее адекватное с точки зрения сторонников соответствующего подхода определение универсальной категории может оказаться неприменимым в качестве определения сравнительного понятия, служащего целям типологического исследования.

В типологической работе [Stolz et al. 2007: 66] каритив определяется следующим образом: «Грам, используемый для кодирования отношения между двумя (или тремя) участниками как отношения отсутствия (= отрицаемое сопровождение). Один участник — отсутствующий — не может присутствовать при другом участнике — спутнике или пользователе — в данной ситуации». Хотя это определение, в отличие от предыдущих, претендует на статус сравнительного понятия, оно тоже представлено как отрицание комитатива и как минимум не исключает случаи типа (7), которые не хотелось бы относить к каритиву.

Таким образом, ни одно из известных нам определений нельзя признать подходящим в качестве определения сравнительного понятия для типологического исследования каритива. Попытка формулировки такого определения будет представлена в дальнейших разделах статьи.

3. Принципы формулировки определения

Какого-либо строгого алгоритма, позволяющего сформулировать определение необходимого сравнительного понятия, не существует. Более того, как показывает М. Хаспельмат [Haspelmath 2010: 678–680], определение сравнительного понятия не может быть принципиально хорошим или плохим, поскольку оно полностью подчинено цели исследователя и может быть лишь в большей или меньшей степени удачным с точки зрения соответствия этой цели. Таким образом, вариантов определения любого сравнительного понятия может быть множество, а различаться они будут в первую очередь тем (и оцениваться будут в соответствии с тем), какие контексты позволят включить в рассмотрение. Наша цель в рамках этой статьи — определить набор контекстов, оптимально характеризующих то, что нам хотелось бы считать каритивным значением (каритивной семантической зоной), и сформулировать на их основе такое определение сравнительного понятия

каритива, которое было бы наиболее пригодным для целей полноценного типологического исследования способов выражения этого значения в языках мира.

Необходимо признать, что набор значений, которые мы считаем нужным относить к каритивным, может в большой степени определяться структурой языков, с которыми имели дело авторы статьи, т. е. в первую очередь русского и некоторых других индоевропейских, а также единичных представителей нескольких других семей. Например, как можно понять из раздела 2, к собственно каритиву нам хотелось бы относить случаи (по крайней мере некоторые), в которых в нейтральном контексте в русском языке употребляется предлог *без*⁵. Сюда же можно отнести примеры с русской приставкой *без-* / *бес-*:

(9) *Иван пришел без собаки.*

(10) а. *В комнату вошел безбородый мужчина.*

б. *В комнату вошел мужчина без бороды.*

Случаи типа (11) *У Ивана нет собаки*⁶, в которых используется совершенно другое грамматическое оформление, мы, напротив, хотим оставить за пределами сравнительного понятия каритива. Кроме того, мы опирались на плохо формализуемую интуицию, заключающуюся в том, что значения (9) и (10) (но не (11)) кластеризовались вместе не случайно. Помимо русского, такое распределение наблюдается по крайней мере во французском, испанском, цыганском, а также в языках других семей (например, в нанайском, башкирском, баскском). И хотя наше определение сравнительного понятия сформировано преимущественно на базе нескольких индоевропейских языков, можно надеяться, что при его применении к остальным языкам мира в ходе типологического исследования не окажется, что такая кластеризация значений наблюдается только (или почти только) в индоевропейских языках.

Конечно, можно допустить, что сама эта интуиция ошибочна. Но если это так, при последовательном типологическом подходе (предполагающем составление семантической карты, см. описание подхода во введении) «ошибочность» интуиции также можно будет легко выявить — она проявится в результатах предполагаемого типологического исследования. Например, может оказаться, что в большинстве языков мира, в отличие от индоевропейских, одинаково кодируются как раз ситуации (9) и (11), а для ситуаций типа (10) последовательно используются другие средства. Такое положение дел может иметь следующие последствия. Во-первых, несмотря на то, что результаты в этом случае опровергли бы нашу интуицию, они бы все равно имели ценность для лингвистической типологии: они показали бы, что каритив кластеризуется так, как мы ожидали, лишь в большинстве языков, а во всех остальных зона каритива устроена иным образом, нетривиальным для носителя индоевропейских языков. Во-вторых, полученные данные позволили бы скорректировать формулировку сравнительного понятия каритива и использовать ее для повторного типологического исследования каритива уже на новом уровне.

При формулировке определения мы сознательно стараемся избегать использования грамматических понятий (т. е. понятий, апеллирующих к морфологии или синтаксису). Во-первых, это необходимо потому, что если указать в определении на степень грамматикализации интересующих нас показателей, то в рассмотрение не попадут языки, не имеющие в какой-либо степени специализированного средства выражения каритивного значения (а как уже было показано во введении, каритив в некоторых языках не грамматикализован

⁵ Уточнение по поводу нейтрального контекста позволяет отсечь более специфические средства выражения тех же значений. Так, предложение *Иван пришел без собаки* употребляется в большем числе разных контекстов, нежели предложение *Иван пришел без сопровождения собаки*, которое имеет определенные стилистические особенности.

⁶ Предикативные случаи употребления каритивных выражений типа *Иван без денег* будут обсуждаться в следующем разделе (см. пример 12).

и может выражаться различными перифрастическими способами). Это было бы существенным недостатком, поскольку мы исходим из того, что каритивное значение может быть тем или иным образом выражено в любом языке мира, и формулируем сравнительное понятие каритива для типологического исследования, учитывающего материал самых разных языков. Во-вторых, многие грамматические признаки сами по себе крайне трудно поддаются универсальному определению — в том числе и те, которые потенциально могли бы быть использованы в определении сравнительного понятия каритива (например, противопоставление сочинения и подчинения, моно- и биклаузалности, аффиксов и клитик). Таким образом, итоговое определение каритива должно быть сформулировано в первую очередь в семантических терминах.

4. Каритивные контексты

В этом разделе мы постараемся ограничить круг контекстов, которые, как нам представляется, должны подпадать под определение каритива. При этом мы руководствуемся некоторой имеющейся у нас интуицией в отношении каритивной семантики. Наша цель — постараться предотвратить при анализе материала языков следующую нежелательную ситуацию: в языке обнаруживается некоторый показатель, который нам интуитивно хотелось бы считать каритивным, но ни один из выбранных нами контекстов его не покрывает. Иными словами, мы пытаемся избежать ситуации, при которой в каком-нибудь языке находится единица, имеющая большое число пересечений по своим функциям с русским предлогом *без*, английским *without* и некоторыми другими известными нам показателями каритива, но при этом не проявившаяся в контекстах, заданных нашим неудачным определением.

Первый контекст представлен в примере (1) *Иван пришел без Маши* (и в его английском эквиваленте, в котором также используется предлог, который мы хотели бы считать каритивным: (1') *John came without Mary*). Этот пример можно интерпретировать как выражающий отрицание комитатива в его ядерном значении, т. е. в значении спутника (см. [Stolz et al. 2006: 25–27]). Это соответствует довольно распространенному взгляду на каритив как на отрицание комитатива, см. [Stolz et al. 2007; Haspelmath 2009] и др., и согласуется с использованием некоторыми авторами термина «антикомитатив». Однако, если сузить наше определение лишь до этого значения, мы оставим на периферии по крайней мере еще два характерных для *без* и *without* контекста.

Речь идет, во-первых, о примерах типа приведенного выше (2) *John left without money* / (2') *Иван ушел без денег*. В этих предложениях употребляются те же предлоги *без* и *without*, но отрицают они в этом случае уже значение обладания.

Во-вторых, для этих же предлогов характерны также контексты типа (6) *Иван открыл бутылку без штопора* и (6') *John opened the bottle without a corkscrew*, применительно к которым можно говорить об отрицании значения инструмента.

При этом мы не видим причин, по которым при изучении типологии каритива следовало бы отдать предпочтение только одному из трех перечисленных контекстов, т. е. либо отрицанию комитативного значения (значения спутника), либо отрицанию значения обладания, либо отрицанию значения инструмента. Поэтому мы постараемся сформулировать определение так, чтобы оно охватывало и контексты типа (1), и контексты типа (2), и контексты типа (6)⁷.

⁷ Отметим, что значение обладания и значение инструмента часто способны выражать и комитативные показатели [Stolz et al. 2006; Архипов 2009], ср. *Мужчина с бородой* / *A man with a beard* и англ. *John cut an apple with a knife*.

Для комитатива известны и другие характерные дополнительные значения — например, транспортное средство, материал, причина. При этом если исходить из идеи, что каритив является

Далее, в рассмотренных выше случаях соответствующие предложные группы являлись зависимыми глагола, и мы могли бы строить наше определение, принимая во внимание лишь эту синтаксическую позицию как единственно возможную или по крайней мере предпочтительную. Однако помимо обсуждавшихся выше предлогов *без* и *without* и похожих на них по свойствам единиц, в рамках типологии каритива кажется разумным рассматривать и такие единицы, как русская приставка *без-*/*бес-* или английский суффикс *-less* (которые тоже выражают отрицание обладания, ср. *безденежный*, *moneyless*). А сочетания с этими единицами — в отличие от предложных групп с *без* и *without* — чаще используются не в качестве глагольного зависимого, а внутри именной группы в атрибутивной функции: ср. (10a) *В комнату вошел безбородый мужчина* или (10a') *A beardless man entered the room*. Поэтому формулируемое определение должно учитывать как контексты, в которых отсутствующий участник (далее — абсенс) является зависимым глагола (т. е. выполняет обстоятельственную или депиктивную⁸ функцию), — примеры (1)–(2), — так и контексты, в которых абсенс занимает позицию атрибута, — пример (10).

Следует рассмотреть также и третью возможную синтаксическую функцию — предикативную (при ней абсенс является предикатом или его частью, ср. *Иван был без жены*, *Я без денег*). Строго говоря, предлоги, о которых шла речь выше, — в частности, русский предлог *без* — могут использоваться и в предикативной позиции, ср. (12) *Иван без денег*. При этом в русском для описания той же ситуации может быть использовано и (12') *У Ивана нет денег*; более того, предложение (12') в этом контексте является, по-видимому, даже более естественным и нейтральным, чем предложение (12), содержащее каритивный показатель. По сути, контексты типа (12') следует относить уже к другой семантической зоне — (отрицательной) предикативной посессивности. А поскольку специализированные средства отрицания предикативной посессивности типа русского *нет* (в русском оно также выполняет функции экзистенциального отрицания) интуитивно не хотелось бы относить к показателям каритива, формулировка определения каритива должна исключать такие контексты.

Отметим также, что ситуации, похожие на представленные в примерах (1), (2), (10), могут быть также выражены и другими, неспециализированными, более описательными и менее точными средствами, в том числе в рамках русского языка. Ср. (1'') *Иван пришел в гости не с Машей*, (2'') *Иван ушел, не имея (при себе) денег*, (10b') *мужчина, не имеющий бороды*. Подобные случаи в рамках типологического исследования также хотелось бы отсеять.

Отдельного обсуждения требует существование нескольких разновидностей у значения обладания, отрицание которого мы включили выше в число ядерных контекстов для каритива. По [Stassen 2009: 10–11], ядерным значением обладания (посессивности) является «отчуждаемое обладание», т. е. легальное владение, как в примере (13): *У Ивана*

отрицанием комитатива, то и для каритивных показателей в языках мира можно было бы ожидать способности выражать (отрицательно) какие-то из этих значений. Тем не менее, в качестве ядерных каритивных контекстов мы с некоторой долей произвола выбираем именно три приведенных выше (включая значение спутника, считающееся ядерным для комитатива). Остальные же потенциальные контексты мы не учитываем специально при формулировании определения (но и не стараемся специально исключить). При типологическом исследовании эти контексты и их релевантность для каритивной семантики в любом случае также могут быть изучены за счет определения в каждом конкретном языке всего спектра употреблений каритивного средства, выявленного с помощью базового определения (основанного на ядерных контекстах).

⁸ Прототипическим примером депиктива (депиктивного вторичного предиката, ср. [Himmelmann, Schultze-Berndt (eds.) 2006]) является *Иван вернулся домой пьяным*. В [Архипов 2009: 104–107] для обозначения той же функции используется, вслед за И. А. Мельчуком, термин «ко-предикат».

есть машина. Другие посессивные значения относятся Л. Стассеном к периферии посессивной зоны — это а) различные виды «неотчуждаемого обладания»: в первую очередь родственные отношения (14) *У Ивана есть сын* и отношения «часть тела — обладатель» (15) *У человека две руки*, б) временное обладание (16) *У Ивана [с собой] нож*, а также в) различные случаи «абстрактного обладания» типа (17) *У меня насморк / У него проблемы*. Однако применительно к каритивным показателям (например, русскому *без*) совершенно не очевидно, какая разновидность (отрицаемого) обладания является ядерной; по крайней мере, таковой для каритива вряд ли следует считать значение владения. Так, в уже приводившихся выше примерах (2) и (10) выступало скорее значение временного обладания (*Иван ушел без денег*; ср. также *ученики без формы*) и неотчуждаемого обладания с частями тела (*безбородый*; ср. также *всадник без головы*). Вполне естественными для каритива кажутся и контексты с терминами родства: (18) *бездетная женщина*, а также и «абстрактного обладания»: (19) *человек без забот*. Более того, нельзя исключать, что в некоторых языках для какого-то одного (или нескольких) из этих контекстов может использоваться некий специальный каритивный показатель, отличный от показателя, используемого для остальных типов обладания⁹. Исходя из этого мы решили включить в число ядерных не один, а четыре контекста обладания: владение, родственные отношения, отношения «часть тела — обладатель» и временное обладание.

Наконец, дополнительная сложность связана с характеристиками абсенса. Абсенсом может выступать не только участник, как в большинстве приведенных выше примеров (ср. (1), (2)), но и некоторая дополнительная ситуация, как в примере (20) *He left without saying goodbye* 'Он ушел, не попрощавшись'. Провести границу между этими двумя типами абсенса не всегда легко. Так, предложения (21а) и (21б) описывают одну и ту же ситуацию, хотя с грамматической точки зрения в первом случае абсенс выражен существительным, а во втором — глагольной группой с формой герундия в вершине.

(21) а. *He left without a word.*

'Он ушел без слов'.

б. *He left without saying a word.*

'Он ушел, не сказав ни слова'.

Можно заметить, что в русском языке лишь в первом случае используется каритивный предлог, а во втором — стандартное глагольное отрицание, в то время как в английском языке в обоих случаях используется каритивный предлог *without*. При этом в семантическом отношении абсенс в (21а) далек от «прототипического» участника и больше похож на ситуацию — в этом примере отрицается факт произнесения слов, а не просто их наличие (ср. *ушел, не сказав ни слова* vs. *ушел, не имея слов*). По всей видимости, существует целый пласт подобных случаев, когда абсенс реферирует скорее к ситуации, но выражен именной группой, и провести четкую границу между абсенсом-участником и абсенсом-ситуацией невозможно. Тем не менее, если в каком-нибудь языке обнаруживается единица, способная выступать только в контекстах типа (21б), т. е. с абсенсом-ситуацией (но не в контекстах с явным абсенсом-участником типа (1)), то ее представляется более логичным рассматривать в рамках глагольного отрицания, а не каритива. Поэтому при определении сравнительного понятия каритива лучше исходить из способности выражать в первую очередь абсенса, являющегося участником, а не ситуацией.

⁹ Частично подобное распределение показателей наблюдается в русском языке. Префикс *без-* в русском не может относиться к временному обладанию. Так, словосочетание *бездетная женщина* обозначает женщину, у которой вообще нет детей. А словосочетание *женщина без детей*, в отличие от него, может выражать в том числе отрицание временного обладания, т. е. может означать, что дети у женщины есть, просто они отсутствуют в данной ситуации в указанном месте в конкретное время.

Итак, теперь можно обобщить компоненты, составляющие предварительное неформальное определение каритива (каритивного выражения)¹⁰:

- (22) I. Каритив выражает хотя бы одно из следующих значений: 1) отрицание ядерного комитатива, т. е. неучастие (невовлеченность) спутника (*Иван пришел без Маши*); 2) отрицание посессивности, т. е. 2а) отрицание легального владения (*бездомный человек*), 2б) отсутствие родственника (*бездетная женщина*), 2в) отсутствие частей тела (*всадник без головы*), 2г) отрицание временной принадлежности (*пришел без книги*); 3) неучастие (невовлеченность) инструмента (*Иван почистил апельсин без ножа*).
- II. Конструкция, включающая в себя средство выражения каритивного значения и абсенса, выполняет по меньшей мере обстоятельственную / депиктивную (*Иван почистил апельсин без ножа / Иван пришел без денег*) или атрибутивную (*Я увидел безбородого мужчину*) функции; использование в предикативной функции нерелевантно¹¹.
- III. Каритив выражает хотя бы абсенса-участника (*Иван пришел без Маши / без сумки*); способность выражать абсенса-ситуацию нерелевантна¹².

Также в рамках типологического исследования может быть добавлено следующее практическое ограничение: при наличии в языке более специализированной каритивной единицы альтернативные неспециализированные, перифрастические конструкции исключаются из рассмотрения — ср. *Иван пришел без Маши vs. Иван пришел, а Маша нет*.

Определение, данное в (22), является предварительным. В следующем разделе мы стараемся обобщить наши представления о ядерном каритиве в виде цельного определения с учетом всех этих условий, но без использования грамматических понятий.

5. Формулировка определения каритива

В этом разделе мы сначала обсудим некоторые аспекты, связанные с определением сравнительного понятия каритива, а затем сформулируем само это определение.

5.1. Участники каритивной ситуации

Как видно из примеров, каритивная семантика во многих случаях затрагивает не только абсенса, а сразу двух участников: в главную ситуацию не вовлекается один потенциальный

¹⁰ Предложенное здесь «определение» является предварительным и неформальным перечислением тех контекстов и ограничений, которые должны быть учтены в окончательном определении сравнительного понятия каритива, и пока не претендует на статус определения сравнительного понятия. Именно поэтому здесь допускаются формулировки, связанные с синтаксической структурой и с грамматическими свойствами показателей, а также дизъюнктивные формулировки значений. Итоговое определение каритива будет представлено далее.

¹¹ Предикативные употребления каритива не включены в определение, чтобы заведомо исключить конструкции отрицательной предикативной посессивности (типа *У Ивана нет машины; John doesn't have a car*).

¹² Как обсуждалось выше, обычное глагольное отрицание в *Иван пришел, не позвонив* не хочется относить к каритиву, несмотря на возможность в некоторых языках оформлять такие контексты при помощи каритивного показателя, ср. *He came without calling* в английском.

участник (абсенс) и вовлекается некоторый второй, противопоставленный ему, участник, которого можно назвать ориентиром (ср. терминологию, используемую для обозначения участников в комитативной ситуации в [Архипов 2009]: спутник и ориентир)¹³. Наиболее очевидно это в случае отрицания обладания: в примере *Иван ушел без денег* деньги (отсутствующее обладаемое) являются абсенсом, а Ивана (агенса главной ситуации и одновременно несостоявшегося временного посессора по отношению к деньгам) можно считать ориентиром. Ту же логику можно попытаться распространить и на отрицание значения спутника: так, в предложении *Иван пришел без Маши* Маша (несостоявшийся спутник-коагенс) является абсенсом, а Ивана (реального агенса) можно считать ориентиром, поскольку он все же связан с абсенсом некоторым нетривиальным образом (ожидалось, что они оба будут совместно играть в ситуации одинаковую роль приходящего).

Тем не менее, для других контекстов использования каритивных показателей (включая часть ядерных) понятие ориентира, напротив, оказывается нерелевантным. Рассмотрим пример (6) *Иван открыл бутылку без штопора*. Здесь мы наблюдаем невовлечение участника (абсенса) ‘штопор’ в качестве инструмента в ситуацию открывания (то есть предполагалось, что он будет вовлекаться в ситуацию открывания в роли инструмента, но этого не произошло). При этом среди других участников ситуации открывания нет такого (одного), который очевидно был бы связан с абсенсом некоторым нетривиальным образом, как в примерах выше, и претендовал бы, таким образом, на статус ориентира. Ср. также другие примеры контекстов, приведенные ниже, в особенности примеры (24)–(25) с безличными предложениями, в которых невозможность выявить ориентир еще более очевидна:

(23) [Подул теплый ветер, и] *лужи высохли без солнца*.

(24) *Холодно без солнца*.

(25) *Светло (и) без солнца*.

Поскольку совершенно не очевидно, какая из этих групп случаев более базовая, и поскольку мы (в том числе в силу этого) включили в число ядерных контекстов как контексты, явно относящиеся к первой группе (*безбородый человек*; *Иван ушел без денег*), так и контексты, явно относящиеся ко второй (*Иван открыл бутылку без штопора*), в определении каритива мы будем учитывать оба случая — когда в ситуации можно выделить участника-ориентир и когда такого участника в ситуации нет.

Вместе с тем, следует оговорить, что сама идея выделения по крайней мере в некоторых случаях участника-ориентира, по-видимому, важна для детального теоретического описания семантики каритива — в частности, она хорошо согласуется с идеей о семантической модификации (см. 5.4 далее): вводимая каритивом предикация отсутствия может модифицировать некоторого участника главной ситуации (тогда и имеет смысл говорить об этом участнике как об ориентире), а может — саму главную ситуацию (тогда выделять ориентир не имеет смысла).

5.2. Семантика отсутствия

Само понятие «отсутствия», постоянно возникающее при обсуждении каритивов, требует уточнения. С одной стороны, во многих случаях каритивный показатель действительно

¹³ Необходимо отметить, что абсенс и ориентир (так же, как и спутник и ориентир в случае комитативной семантики) не являются семантическими ролями в привычном понимании. Это второстепенные роли, указывающие на отношение между этими двумя участниками с точки зрения каритивной (или комитативной) ситуации, при этом в другой, основной, ситуации те же участники могут одновременно иметь другие, самые разные семантические роли.

выражает именно отсутствие участника в конкретной ситуации в конкретном месте в конкретный промежуток времени, ср. (1) или (26) *Иван вышел из дома без зонтика*. Каритивный показатель может выражать и полное отсутствие (несуществование) участника в описываемом мире. Например, предложение (27) *Я увидел человека без рук / безрукого человека* означает, что увиденный человек был инвалидом, у него не было рук вообще, а не только в конкретной ситуации. С другой стороны, имеются и такие употребления каритивного показателя, как представленное в предложении (28) *Иван ехал на велосипеде без рук* (означающем, что когда Иван ехал на велосипеде, он не держался руками за руль). Очевидно, предложение (28) не предполагает, что Иван был инвалидом и у него вообще не было рук. Более того, как это характерно для частей тела, если они у человека есть, то они всегда находятся при нем, то есть и в рассматриваемой конкретной ситуации руки тоже присутствовали. Таким образом, получается, что руки Ивана существовали в мире и присутствовали в ситуации езды на велосипеде, но лишь не были в нее вовлечены, прямо не участвовали в ней (в роли инструмента). По-видимому, именно **невовлеченность** (неучастие), а не отсутствие, является наиболее удачным термином для описания каритивной семантики. Как невовлеченность можно описать и отсутствие в конкретной ситуации (26), и несуществование в мире (27), и собственно невовлеченность в ситуацию, неучастие в ней (28)¹⁴.

5.3. Каритив как отрицание комитатива и сфера действия отрицания

Попытаемся уточнить, в каком смысле и в какой степени каритив можно считать отрицанием комитатива. Рассмотрим следующую пару примеров:

(29) а. *Иван пришел без жены.*

б. *Иван пришел не с женой.*

Оба предложения реферируют к ситуации, в которой Иван пришел, а его жена не пришла (по крайней мере вместе с ним). Однако при этом пример (29а) лишь отрицает, что Иван пришел со спутником, являющимся его женой (скорее всего, он вообще пришел один), а пример (29б) — утверждает, что Иван пришел с некоторым спутником (точно пришел не один), но этот спутник не является его женой. Эта разница хорошо видна при постановке в контекст ответа на вопрос (30) *Иван пришел один?* В этом контексте ответ *Да, Иван пришел без жены* звучит естественно, в то время как ответ *Да, Иван пришел не с женой* звучит странно.

Разница между рассматриваемыми примерами — в сфере действия отрицания и информационной структуре. В примере (29а) с каритивным предлогом представлено частноотрицательное (в терминологии [Падучева 2013]) предложение. В нем в сферу действия (низкоуровневого) отрицания входит только комитативный компонент (указание на наличие спутника) — его можно перефразировать как ‘Иван пришел так, что **(неверно, что (с женой))**’. В примере же (29б), где использована присловная отрицательная частица и комитативный предлог, наоборот, представлено общеотрицательное предложение. В нем в сферу действия (высокоуровневого) отрицания попадает все предложение, расчлененное внутри

¹⁴ Термин «невовлеченность» может наводить на неверное понимание его как предполагающего **существование** невовлекающегося участника. Тем не менее, здесь и далее мы используем этот термин в широком значении, **не содержащем** такой презумпции. Так, даже о реально не существующих потенциальных участниках (ср. руки в *безрукий человек*) все равно можно говорить как о не вовлекающихся в ситуацию — таким образом, эти случаи тоже будут подпадать под термин «невовлеченность».

себя из-за контрастного ударения на две пропозиции — пресуппозитивную ('Иван с кем-то пришел') и ассертивную ('Этот кто-то — его жена'), — так что его можно перефразировать как '**Неверно**, что (тот, с кем пришел Иван, — его жена)'

Таким образом, ядерный каритив предполагает семантически именно частное отрицание комитатива (шире — вовлеченности), то есть вложенность комитативного компонента в сферу действия низкоуровневого отрицательного оператора, а не вообще любое сочетание комитатива и отрицания.

Что касается именно синтаксического сочетания отрицания и комитатива, то, хотя в русском такое сочетание по своей семантике оказывается не соответствующим ядерному каритиву, необходимо иметь в виду, что это не обязательно верно для всех языков. Напротив, известно, что в некоторых языках сочетание показателей отрицания и комитатива способно выражать собственно ядерную каритивную семантику (и может являться основным способом ее выражения). Например, подобную ситуацию можно наблюдать в языке гбан (южные манде, Кот-д'Ивуар):

(31) Гбан (пример из полевых материалов М. Л. Федотова)

Wà nɛyɛ, ɛ kɛ nɔ lálà yɛ lɔ́lɔ́.
 время этот 3SG IND.NEG\PST приходить\PFV.NEST деньги с рынок

'Сегодня утром он приехал на рынок без денег [он их забыл]' (досл. «Он не приехал на рынок с деньгами») или «Он приехал на рынок не с деньгами».

Доступность именно каритивной интерпретации, представленной в переводе, можно продемонстрировать в том числе возможностью продолжить высказывание как «...Но его друг одолжил ему на рынке немного денег».

Подобные случаи будут включаться в рассмотрение как каритивные показатели, поскольку соотношение сфер действия в них (в отличие от русского *не + с*) такое же, как у каритивных показателей типа *без*.

5.4. Каритив vs. отрицательная предикативная посессивность и семантическая модификация

Еще одна проблема определения каритива связана с уже обсуждавшейся выше необходимостью отграничить его от отрицания предикативной посессивности, ср. примеры (32а–в):

(32) а. *У этого мужчины нет бороды.*

б. *Мужчина пришел на праздник без бороды.*

в. *В комнату вошел безбородый мужчина.*

В примерах (32б–в) в русском представлены средства, которые хотелось бы относить к каритивным, а в примере (32а) представлена отдельная конструкция предикативной посессивности, которую каритивной считать не хотелось бы. В синтаксическом отношении предложение (32а) отличается тем, что конструкция, выражающая значение отсутствия бороды, выполняет предикативную функцию, в то время как в примере (32б) соответствующая конструкция выполняет депиктивную, а в примере (32в) — атрибутивную функцию.

Однако, как было сказано выше, мы хотим избежать каких-либо грамматических (в том числе синтаксических)¹⁵ ограничений в определении, чтобы сделать его применимым ко всем

¹⁵ Строго говоря, М. Хаспельмат допускает использование некоторых базовых формальных понятий в определении (например, линейное предшествование) [Haspelmath 2010: 673]. Однако синтаксические понятия предиката, вторичного предиката или атрибута являются весьма сложными,

языкам мира. По-видимому, это оказывается возможным сделать, если обратиться к понятию (семантической) модификации. В семантическом отношении примеры (32б) и (32в) объединяет то, что ситуация отсутствия бороды является дополнительной, модифицирующей (характеризующей). Предикация отсутствия модифицирует в них участника другой ситуации — мужчину, участвующего в ситуации прихода на праздник (а в примере (32б) она также второстепенно модифицирует и саму ситуацию прихода на праздник)¹⁶. В примере же (32а) предикация необладания бородой является основной и ничего не модифицирует.

Здесь, как и в случае с сочетанием отрицания и комитатива, необходимо иметь в виду, что в некоторых языках конструкция отрицательной предикативной посессивности оказывается основным способом выражения каритивных значений в предложениях, аналогичных русским (32б–в). Примером такого языка, судя по всему, может служить цоциль (майя):

- (33) Цоциль (майя; пример взят из [Laughlin 1977: 231], глоссирован и переведен И. А. Виноградовым)
<i>miʔuyuk</i>	<i>xa</i>	<i>s-k'uʔ</i>	<i>tal</i>
NEG.EXIST	уже	3POSS-одежда	приходить
- ‘Он вернулся без одежды’ (досл. «Не имея одежды, пришел»).

Однако важно, что в таких случаях отрицательная предикативная посессивная конструкция оказывается в составе **зависимой** клаузы при главном предикате (обстоятельственной / депиктивной — например, деепричастной) или при имени (атрибутивной — например, причастной). То есть в таких случаях мы вновь получаем некоторую семантическую модификацию — выраженная в зависимой клаузе предикация отсутствия модифицирует ситуацию, выраженную в главной клаузе, или участника этой ситуации. Как следствие, при типологическом исследовании в таких случаях (в языках типа цоциль) соответствующие конструкции будут включаться в рассмотрение наравне с каритивными средствами типа русского *без*.

При этом, строго говоря, в русском языке также возможно аналогичное употребление в зависимой клаузе отрицательной предикативной посессивной конструкции (исключенной нами выше при использовании в составе независимой клаузы). Так что ситуации в примерах (32б–в) могут быть описаны — с большей или меньшей степенью естественности — все той же конструкцией «у X-а нет Y-а» (и синонимичной ей «X не имеет Y-а») в комбинации с деепричастной конструкцией или с относительной конструкцией с *который*:

- (32) б'. *Мужчина пришел на праздник, не имея бороды.*

в'. *В комнату вошел мужчина, у которого не было бороды.*

Таким образом, по предложенной выше для языка цоциль логике, данные комбинированные конструкции также должны быть отнесены к каритивным средствам, чего в случае русского нам хотелось бы избежать. Эту проблему можно решить уже упоминавшимся условным решением: если в рассматриваемом языке есть несколько конкурирующих конструкций, удовлетворяющих определению каритива, то для типологического исследования выбираются наиболее специализированные, грамматикализованные и наиболее частотные для ядерных каритивных контекстов (в частности, если одна конструкция укладывается в рамки одной клаузы, как в (32б–в), а другая распространяется на несколько клауз, как в (32б'–в'), предпочтение отдается первой).

что делает слишком трудоемким их использование в составе определения сравнительного понятия, которое должно быть применимо к любому языку.

¹⁶ В двух других случаях — при выражении невовлеченности спутника (*Иван пришел без Маши*) и невовлеченности инструмента (*Иван открыл бутылку без штопора*) — невовлеченность участника модифицирует в первую очередь главную ситуацию. Так, невовлеченность Маши как коагенса характеризует ситуацию прихода Ивана (и, возможно, второстепенно самого Ивана), а невовлеченность штопора как инструмента характеризует ситуацию открывания бутылки.

5.5. Грамматический vs. лексический каритив

Только что рассмотренная проблема пересекается с другой — с проблемой выражения каритивных значений при помощи полнозначных лексических средств. Например, таких, как русские глаголы *отсутствовать*, *лишать(ся)*, *не хватать*. Ср. примеры (34а–б):

(34) а. *В углу таверны сидел человек без глаза.*

б. *В углу таверны сидел человек, лишенный глаза / лишившийся глаза / у которого не хватало одного глаза.*

Здесь мы предлагаем действовать по тому же алгоритму, что и в предыдущем случае: при прочих равных отдавать предпочтение более грамматикализованным средствам выражения каритивных значений, укладываемым в рамки одной клаузы.

5.6. Каритив и информационная структура

Каритивная семантика, по всей видимости, предполагает и некоторые ограничения на информационную структуру высказывания и на соотношение асертивных и пресуппозитивных компонентов в его семантике. Во-первых, высказывания с каритивными показателями обычно содержат в своей семантике (видимо, в пресуппозиции) указание на существование некоторых ожиданий по поводу возможного вовлечения в ситуацию данного (типа) участника-абсенса. Так, пример (35) *В углу комнаты сидел человек без хвоста* будет звучать естественно только в некотором специальном контексте — например, в том случае, если описывается какой-нибудь фантастический мир, в котором у людей есть хвосты, или если люди в комнате одеты в костюмы тигров, а у этого человека на костюме почему-то не оказалось хвоста.

Эти же ожидания по поводу абсенса обыгрываются в анекдоте (36):

(36) *Виктор Пелевин, чтобы его не узнавали, выходит на улицу без темных очков.* [<https://anekdoty.ru/pro-ochki/>]

Этот анекдот строится на противопоставлении более обычной ситуации, в которой темные очки носят нечасто, но иногда надевают, чтобы человека не узнали, и специфической ситуации с Пелевиным, который носит их постоянно, поэтому ожидаемым применительно к Пелевину странным образом становится как раз наличие темных очков, а абсурдным способом избежать узнавания оказывается их не носить.

При этом указание на само невовлечение абсенса относится в высказываниях с каритивными показателями к асерции.

В силу необходимости дальнейшего изучения взаимодействия каритивных значений с информационной структурой, нами было принято решение не включать какие-либо компоненты, связанные с информационной структурой, в определение каритива.

5.7. Определение

Итак, приняв к сведению все рассмотренные выше проблемные аспекты, мы приходим к следующей формулировке сравнительного понятия каритива:

(37) **Итоговое определение сравнительного понятия каритива:**

Каритив описывает невовлеченность в ситуацию (в частном случае отсутствие в ней) некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является

семантическим модификатором этой ситуации или участника некоторой другой ситуации (ориентира).

Учитывая это определение, как кажется, при изучении каритивов удобно пользоваться также следующими терминами и понятиями:

Каритивное выражение (показатель) — средство выражения каритивного значения при единице, выражающей абснс (но не включающее ее). Необходимо иметь в виду, что каритивные выражения могут очень сильно различаться в разных языках. Так, если в языке есть специализированная морфема, выражающая значение каритива, то она и является каритивным показателем (например, в русском языке каритивными показателями будут являться предлог *без* и префикс *без-/бес-*). Если же в языке отсутствует специализированная каритивная морфема, то каритивным выражением будет являться вся та структура, которая выражает каритивное значение, определенное в (37) (за исключением самой единицы, выражающей абснс). Например, в языке гбан (пример (31)) каритивным выражением является структура, включающая в себя сентенциальное отрицание и показатель комитатива, а в языке цоциль (пример (33)) — комбинация из конструкции отрицательной предикативной посессивности с одной из конструкций зависимой предикации (депиктивной конструкцией).

Каритивная группа состоит из каритивного выражения и языковой единицы, выражающей абснс. В зависимости от особенностей языка, каритивная группа может синтаксически являться именной группой (как в финском, где каритив выражен падежным суффиксом: *paida-tta* ‘без рубашки’), предложной/последложной группой (как в русском: *без бороды*), клаузой, возможно, также другими структурами. Каритивная группа обычно, но не всегда является единой синтаксической составляющей. Так, в гбан (пример (31)) к каритивной группе можно отнести сентенциальное отрицание и комитативную последложную группу ‘с деньгами’, которые не образуют единую составляющую.

Каритивная конструкция¹⁷ представляет собой морфосинтаксическую конструкцию, в рамках которой выражаются все компоненты значения сравнительного понятия каритива. Таким образом, каритивная конструкция объединяет в себе каритивную группу и ту составляющую, которая выражает ориентир или модифицируемую ситуацию.

Рассмотрим применение предложенного определения и терминологии на одном русском примере: (2') *Иван ушел без денег*, которое мы предлагаем перефразировать как ‘Иван ушёл, не имея денег’. Этот пример можно анализировать как описывающий невовлеченность денег в ситуацию обладания¹⁸ при посессоре-Иване, причем эта предикация (не)обладания семантически модифицирует агентивного участника главной ситуации (Ивана) (а также, по всей видимости, и саму главную ситуацию ‘Иван ушел’). (См. также разбор примеров (10а), (32а'), (6), (1'') и (2'') ниже.) Каритивным выражением (показателем) в примере (2') выступает предлог *без*, каритивной группой — предложная группа *без денег*, а каритивной конструкцией, согласно приведенному анализу, вся клауза, включающая каритивную группу (*Иван ушел без денег*).

Наконец, для типологических нужд полученное выше чисто семантическое определение желательно дополнить также следующим практическим ограничением (сформулированным уже не в семантических терминах):

¹⁷ В данном случае термин «конструкция» используется в широком смысле, реферируя практически к любой синтаксической структуре, а не в смысле, характерном для терминологической традиции грамматики конструкций. Ср. понятие «комитативной конструкции» в [Архипов 2009].

¹⁸ Следует признать, что при анализе случаев использования каритивных показателей для выражения отрицания обладания мы делаем небесспорный логический шаг, считая допустимым отождествить «необладание X-ом» ('Иван не имеет денег') и «невовлеченность X-а (в качестве обладаемого) в потенциальную ситуацию обладания» (~'Деньги не вовлекаются в потенциальное обладание Ивана чем-то').

(37') **Методологическое уточнение:** если в языке имеется несколько конкурирующих средств выражения каритивного значения, то для типологического исследования выбираются более специализированные, более грамматикализованные и более частотные средства. Если таких специализированных средств нет, то выбирается конструкция, выражающая каритивное значение в наиболее нейтральном контексте.

Сформулированное в (37) определение охватывает, как представляется, все выбранные нами ядерные каритивные контексты и при этом исключает те контексты, которые изначально было решено исключить (см. раздел 4). Применение этого определения можно проиллюстрировать следующими примерами.

Предложение (10а) *В комнату вошел безбородый мужчина* подходит под определение: в нем описывается отсутствие (то есть необладание) у посессора-мужчины абсенса-бороды, и при этом само это отсутствие некоторым образом характеризует этого мужчину, в то же время выступающего агентивным участником другой ситуации — входа в комнату.

Предложение (32а') *У Ивана нет бороды* отсекается определением, поскольку предикация отсутствия бороды у Ивана не модифицирует никакой ситуации и никакого участника никакой другой ситуации (Иван не выступает участником какой-либо другой ситуации в этом примере).

Предложение (6) *Иван открыл бутылку без штопора* подходит под определение: невовлеченность штопора как инструмента модифицирует ситуацию открывания бутылки.

Предложение (1) *Иван пришел без Маши* подходит под определение: невовлеченность Маши как спутника-коагенса характеризует ситуацию прихода Ивана (и, возможно, второстепенно самого Ивана).

Предложение (1'') *Иван пришел в гости не с Машей* отсекается, поскольку в данном случае некий участник как раз вовлечен в ситуацию прихода в гости в роли спутника, однако этот участник — не Маша, а кто-то другой.

Наконец, предложение (2'') *Иван ушел, не имея при себе денег* подходит под определение, однако в потенциальном типологическом исследовании не будет включаться в рассмотрение (для русского языка) благодаря ограничению (37'): в русском языке данная конструкция конкурирует с более специализированным средством *без*, которому и отдается предпочтение.

Определение в (37) совместимо и с различными обсуждавшимися разновидностями ядерных контекстов. В том числе с разными типами посессивных отношений: владением, временным обладанием, родственными отношениями, отношениями «часть тела — обладатель», равно как и, например, с отношениями «часть — целое» (ср. *машина на колесах — машина без колес; стул со спинкой — стул без спинки*). В том числе определение охватывает и различные противопоставления по временности-постоянности ситуации невовлеченности участника (ср. *бездетная женщина vs. женщина без детей*, см. сноску 9). Также приведенное определение совместимо и с различными семантическими типами абсенса: он может быть нереферентным (как в *бездетная женщина*), референтным (*женщина без детей*), может иметь разную степень одушевленности, может выражаться именами собственными или личными местоимениями и т. д. При этом все эти разновидности важно учитывать, поскольку они могут влиять на выбор и употребимость каритивной конструкции в конкретном языке (например, в русском языке предлог *без* сочетается с личными местоимениями, а приставка *без-* / *бес-* не сочетается).

6. Заключение

В статье были рассмотрены различные теоретические и методологические вопросы, связанные с семантикой каритива и каритивными показателями, и было предложено

определение сравнительного понятия каритива (37), которое может применяться к материалу самых разных по структуре языков при проведении типологического исследования.

Предполагается, что при изучении каритивных выражений в каком-нибудь языке, материал которого в дальнейшем будет учитываться в типологическом исследовании, необходимо в первую очередь рассмотреть, какие средства используются в ядерных каритивных контекстах, т. е. в контекстах, отвечающих приведенному определению. При этом необходимо учесть максимальное разнообразие этих контекстов, чтобы в фокусе внимания оказались все потенциальные каритивные конструкции. Если в языке оказывается несколько конкурирующих средств выражения, при прочих равных предпочтение отдается более грамматикализированному и более частотному в нейтральных контекстах. Если при этом сложно сделать выбор в пользу одной конструкции, необходимо учитывать все, подходящие по этим условиям.

После этого в рамках типологического исследования можно будет рассмотреть и другие функции выделенных каритивных средств — те контексты, которые не отвечают определению каритива, но выражаются так же. Важно, что этот метод применим в том числе к языкам, в которых нет специализированного каритивного показателя. Собранный таким образом информация по разным языкам мира позволит составить семантическую карту значений каритивной зоны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1s — 1 лицо, единственное число
EXIST — экзистенциальность
NEST — вчерашнее прошедшее
IND — индикатив
NEG — отрицание

PFV — перфектив
POSS — посессивный показатель
PST — прошедшее время
R — реалис
SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аврорин 1959 — Аврорин В. А. *Грамматика нанайского языка*. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [Nanai grammar]. Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959.]
- Архипов 2009 — Архипов А. В. *Типология комитативных конструкций*. М.: Знак, 2009. [Arkhipov A. V. *Tipologiya komitativnykh konstruksii* [Typology of comitative constructions]. Moscow: Znak, 2009.]
- Галямина 2017 — Галямина Ю. Е. Каритив и комитатив в современном кетском языке. *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*, 2017, 11: 24–32. [Galyamina Yu. E. Caritive and comitative in Modern Ket. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»*, 2017, 11: 24–32.]
- Гращенко 2015 — Гращенко П. В. Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках: функции и возможная эволюция. *Урало-алтайские исследования*, 2015, 19(4): 7–16. [Grashchenkov P. V. Comitative and caritive in Turkic and Mongolic: Functions and possible paths of evolution. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, 2015, 19(4): 7–16.]
- Ермакова, Кузнецова 1998 — Ермакова Н. Д., Кузнецова Н. Г. Суффиксальное отрицание в селькупском языке. *Linguistica Uralica*, 1998, 2: 134–139. [Ermakova N. D., Kuznetsova N. G. Suffixal negation in Selkup. *Linguistica Uralica*, 1998, 2: 134–139.]
- Иванов 1995 — Иванов Вяч. Вс. Типология лишительности (каритивности). *Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках*. Иванов Вяч. Вс., Молошная Т. Н. (отв. ред.). М.: Индрик, 1995, 5–59. [Ivanov Vyach. Vs. Typology of caritives. *Etyudy po tipologii grammaticheskikh kategorii v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Ivanov Vyach. Vs., Moloshnaya T. N. (eds.). Moscow: Indrik, 1995, 5–59.]

- Муталов 2003 — Муталов Р. О. *Морфологический строй глагола даргинского языка*. Дисс. ... докт. филол. наук. Махачкала: ДГУ, 2003. [Musalov R. O. *Morfologicheskii stroi glagola darginskogo yazyka* [Morphological structure of Dargwa verb]. Ph.D. diss. Makhachkala: Dagestan State Univ., 2003.]
- Падучева 2013 — Падучева Е. В. *Русское отрицательное предложение*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2013.]
- Плунгян 2010 — Плунгян В. А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to the problematics]. 3rd edn. Moscow: Librokom, 2010.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Evans 1995 — Evans N. *A grammar of Kayardild. With historical-comparative notes on Tangkic*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
- Hamari 2011 — Hamari A. The abessive in the Permic languages. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 2011, 93: 37–84.
- Haspelmath 2003 — Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison. *The new psychology of language*. Vol. 2. Tomasello M. (ed.). Mahwah (NJ): Erlbaum, 2003, 211–242.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. Terminology of case. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 505–517.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*, 2010, 86(3): 663–687.
- Himmelmann, Schultze-Berndt (eds.) 2006 — Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. F. (eds.). *Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Kämpfe, Volodin 1995 — Kämpfe H.-R., Volodin A. P. *Abriß der Tschuktschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1995.
- Karlsson 1999 — Karlsson F. *Finnish: An essential grammar*. London: Routledge, 1999.
- Laughlin 1977 — Laughlin R. M. *Of cabbages and kings: Tales from Zinacantan*. (Smithsonian Contributions to Anthropology, 23.) Washington: Smithsonian Institution Press, 1977.
- Lichtenberk 2008 — Lichtenberk F. *A grammar of Toqabaqita*. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- McGregor 1990 — McGregor W. *A functional grammar of Gooniyandi*. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Stassen 2009 — Stassen L. *Predicative possession*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Stolz et al. 2006 — Stolz T., Stroh C., Urdze A. *On comitatives and related categories: A typological study with special focus on the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Stolz et al. 2007 — Stolz T., Stroh C., Urdze A. With(out): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives. *WORD: Journal of the International Linguistic Association*, 2007, 58(1–3): 63–122.
- Van den Berg 1989/2013 — van den Berg R. *A grammar of the Muna language*. SIL, 2013. Reprint of: van den Berg R. *A grammar of the Muna language*. Dordrecht: Foris Publ., 1989.
- Wagner-Nagy 2018 — Wagner-Nagy B. *A grammar of Nganasan*. Leiden: Brill, 2018.